

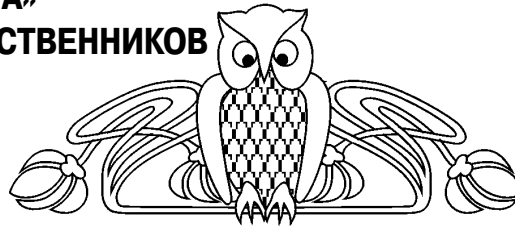

УДК 950

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ «ВЕЛИКОГО МОГОЛА» ГЛАЗАМИ ПЕРВЫХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (конец XVI – первая треть XVII века)

О.В. Королева

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема формирования образа жизни правителя Могольской империи Джахангира в представлении английских путешественников конца XVI – первой трети XVII в. На начальной стадии «узнавания» «чужая» культура часто оформлялась посредством репрезентации ее правителя, что делало ее легко познаваемой и, таким образом, принижало ее значение. Образ могольского падишаха, как и образ Востока, в целом, созданный путешественниками на страницах своих записок, носит личностную, эмоциональную окраску. Рассказы о праздной жизни Джахангира были призваны установить связь между порочностью и нравственным упадком представителя восточной власти и чрезмерным богатством, которое ей было не на пользу. Он продолжал оставаться «варваром» в глазах европейцев, несмотря на то, что богатство и роскошь восточного монарха вызывали их восхищение, зависть и благоговейный трепет.

Ключевые слова: образ «Чужого», правитель Могольской империи глазами английских путешественников, восточные путешествия англичан в раннее новое время, записки английских путешественников, проблема Восток–Запад, образ жизни восточного правителя.

Holidays and Everyday Life of «the Great Mogul» through the Eyes of the First English Travellers (late XVI – early XVII Centurie)

О.В. Koroleva

This article analyse the portrayal of Eastern ruler as 'another' culture by English travellers. The endeavour was to show what were early modern English perceptions of a way of life of the Emperor Jahangir. During the first period of English commercial presence in India, the figuration of a culture was represented by its ruler. This practice homogenized and simplified a culture, making it more easily knowable and thus inferior.

In the English travel writing of East, a ruler quickly becomes the focus of the civilized/barbaric binary. The Jahangir, figured in this way as «the Great Mogul», becomes the subject of discourses about exoticism, cruelty, and sensuality that characterize Eastern ruler (supreme or local), and his power were depicted was despotic if not tyrannical. That allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-European civilizations during early modern time.

Key words: early modern English travels to Mogul Empire, Eastern ruler through English travellers' eyes, English travel-writing, cultural dialogue, English image of Eastern Other, English imaginary of 'Eastern' power, problem "East – West", a way of life of the Emperor Jahangir, the representations of Jahangir, the Great Mogul, by English travellers.

В последние десятилетия все большее число исследователей обращается к запискам путешественников с целью изучения феномена «Другого/Чужого». Исходя из посылок современного гуманитарного знания, акцент переносится с изучения реалий на изучение того, как они осмыслились людьми соответствующего времени. Наибольший интерес представляет то, каким европейские путешественники «видели» восточное пространство, и то, какую форму принимало это видение в их записках о далеких странах. В соответствии с этим на первый план выходит то, как строится повествование о «Другом» – стиль и логика повествования, манера высказывания и определенное видение авторов.

Сведения первых английских путешественников о Востоке интересны и полезны тем, что позволяют пролить свет на то, как происходила встреча двух культур и двух сознаний, что, несомненно, в последующем наложило отпечаток на их дальнейшее взаимодействие и взаимовосприятие друг друга. Именно в образах описываемой восточной реальности скрывались надежды, опасения, иллюзии, ожидания англичан от «чужого» мира.

Образ верховного правителя восточной страны занимает особое место на страницах рассказов англичан о Востоке. И это не случайно. Во-первых, на начальной стадии формирования представления о новых культурах «чужая» культура часто оформлялась посредством репрезентации ее правителя. Подобная практика призвана, чтобы упростить культуру, делая ее легко познаваемой и, таким образом, принижая ее значение. Во-вторых, именно от верховного правителя, как вскоре после своего прибытия заметили англичане, зависел их путь к восточным «сокровищам», поэтому встреча с ним была неизбежной. В-третьих, они предпочитали писать о роскоши, в которой жили правители, чтобы подтвердить сложившийся в Европе стереотип о сказочно богатом Востоке.

Предметом настоящего исследования явились сведения, мнения и представления английских путешественников, являвшихся в большинстве своем служащими Ост-Индской компании, о падишахе Джахангире, правителе Могольской империи с 1605 по 1627 год. Эти сведения, представляющие собой результат восприятия европейцами «чужой»

восточной действительности, позволяют подметить бытовые детали, особенности нрава, ритм жизни «Великого Могола», которые не так часто попадали в поле зрения ученых. Вместе с тем они являются источником по истории представлений и предлагают описание процесса проникновения в иную действительность.

Образ восточного правителя, как и образ Востока в целом, созданный путешественниками на страницах своих записок, носит личностную, эмоциональную окраску. Представляется интересным определить то, какие методы и изобразительные средства использовали авторы при воссоздании образа жизни Джахангира, и выявить факторы, обусловившие своеобразное видение ими «чужой» реальности?

Английские путешественники в большинстве своем были торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, поэтому «знакомство» с Востоком протекало в обстановке приспособления «чужого» к собственным нуждам и интересам. Рассказы о бесконечных восточных богатствах, роскоши, изобилии были призваны упрочить веру их соотечественников в необходимость рискованных мероприятий.

Несметные богатства «Великого Могола», пышность его двора, роскошь его дворцов, домов отдыха, одежды, обилие драгоценных украшений на нем не оставили равнодушным ни одного путешественника. Образ падишаха Джахангира, увешанного с головы до ног драгоценностями, произвел потрясающее впечатление на всех англичан, побывавших при его дворе. В один голос они признавались, что «этот правитель, бесспорно, превосходит всех других в роскоши, разнообразии и богатстве его драгоценностей»¹. Так, по словам ошеломленного священника Э. Терри, европеец даже не мог представить те «немыслимые» богатства и стоимость драгоценностей, которыми падишах ежедневно украшал свою голову, шею и руки².

Другой путешественник, английский посланник при дворе падишаха Джахангира Т. Роу, как он признавался на страницах своего журнала, чувствовал себя несколько смущенным в окружении местных вельмож, которые были под стать своему правителю. Великолепные облачения придворных затмевали жалкое одеяние английского посла, чем он был возмущен и оскорблен. Оправдание этой «несправедливости» он видел в том, что его жалованье составляло 60 фунтов стерлингов в год, тогда как местный вельможа имел десятки и сотни тысяч, и что ему даже за пять лет не заработать столько, чтобы одеться подобным образом³.

Повествования некоторых английских путешественников по своему содержанию напоминают сказки о несметных сокровищах великого восточного правителя. Одну из них рассказал У. Хоукинс. По его словам, состояние Джахангира было таким большим, что он разделил его на триста шестьдесят частей и каждый день в году рассматривал их по очереди⁴.

В записках англичан содержатся сведения о частых передвижениях верховного правителя по стране. Некоторые из европейцев сопровождали Джахангира в его путешествиях, что позволило им оставить воспоминания о походной жизни падишаха.

Королевский палаточный лагерь, разбиравшийся в военных походах, при переселении двора или на охоте – *лескар*, в представлении путешественников являлся своеобразной сценой выстраивания образа «восточной» власти. Так, по словам Т. Роу, этот лагерь, который воспринимался им как «одно из самых больших чудес света», по размерам не уступал любому европейскому городу⁵. Англичанин, путешествовавший с двором «Великого Могола», так описал процесс сооружения *лескара*: «Меньше чем за четыре часа на пустом месте возникает город не менее двадцати английских миль в окружности...»⁶

Э. Терри, путешествовавший два года с «Великим Моголом», был уверен, что *лескар*, представлявший ему «большим и роскошным городом», содержал не менее 300 тысяч человек, включая мужчин, женщин и детей, не считая слонов, лошадей, и других животных⁷. Таким образом, могольский правитель в представлении английских путешественников был настолько всемогущим и могущественным, что мог за один день воздвигнуть огромный город на пустом месте.

Символичной в восприятии европейцев была и сама поездка верховного правителя Могольской империи. Так, по словам Э. Терри, поездка государя «оформлялась» как своеобразное «представление» с роскошными декорациями. В его описании шествие Джахангира по городу выглядело следующим образом. «Король» передвигался в сопровождении большого количества слонов и охраны. На слонах были украшения из меди, серебра и золота, красивые попоны из бархата и парчи, а также множество колокольчиков, звуки которых, по мнению Э. Терри, доставляли удовольствие животным. Помпезности и торжественности церемонии придавали шелковые знамена с изображением королевского герба – льва на фоне солнца, которые несли перед падишахом⁸.

Визуальный образ льва – царя зверей – на гербе был не единственным напоминанием подданным о природе верховной власти. Четыре массивных серебряных льва, которые были позолоченными и инкрустированными драгоценными камнями, окружали императорский трон во дворце в Агре. Кроме того, по словам Э. Терри, падишах был настолько всемогущим, что смог приручить даже дикого льва, который, как он сам видел, «свободно ходил вверх и вниз и был таким же безопасным, как собака»⁹.

Образ толпы подданных, ликующих при виде своего правителя, был неотделим от образа «Великого Могола» в записках путешественников. В восприятии Э. Терри каждодневное появление падишаха перед народом у специального окошка

джхарока во дворце было символичным. Он отмечал, что подвластные всегда должны были выражать радость и благодарность своему правителю и вести себя как благочестивые и верные слуги. Каждое явление падишаха всегда сопровождалось их ликованием. При первом появлении Джахангира на восходе солнца собравшаяся толпа приветствовала его словами: «Здравствуй, О Падишах!»¹⁰. В полдень он снова сидел на публике, наблюдая за состязаниями слонов или предаваясь другим развлечениям. Показав себя в третий раз на закате солнца, падишах удалялся под звуки барабанов и духовых инструментов, которые смешивались с ликованием людей, что, на слух англичанина, создавало много шума.

Необходимо отметить, чрезмерная покорность и «рабское» поведение подданных Могольской империи вызвали возмущение англичан. В представлении англичан удобства, роскошь и богатства, которыми правитель злоупотреблял в силу своей «варварской» сущности, были неотделимы от его нравственного упадка.

Уильямсу Хоукинсу, как он пишет, довелось в течение двух лет прислуживать падишаху при его дворе, поэтому то, как правитель проводил свой досуг, он знал не понаслышке¹¹. Англичанин с уверенностью заявлял, что «ничто так не характеризует императора, как распорядок его дня»¹², а Джахангир в его рассказе только и делал, что ел, пил, спал и предавался всевозможным увеселениям.

Журнал У. Хоукинса позволяет проследить особенности организации времяпрепровождения «Великого Могола», по крайней мере те, которые отметил для себя автор. На рассвете король молился, встав на колени на персидскую овчину и перебирая четки – нити с бусинками из дорогого жемчуга, рубинов, алмазов, изумрудов и кораллов. После молитвы падишах являл себя народу. Толпы благочестивых и верных подданных приходили к дворцу, чтобы приветствовать своего правителя. Далее наступал черед двухчасового сна, после чего падишах обедал и уединялся в гареме, где оставался до полудня. Затем он в присутствии вельможей «наслаждался» спортивными состязаниями людей или поединками разных животных. В три часа дня наступало время «работы». В течение двух часов верховный правитель разбирал судебные дела. Рядом с ним находились главный судья, главный палач в сопровождении сорока других палачей с топорами и кнутами, готовых в любой момент выполнить приказ короля и вершить суд. Чаще всего приговоры приводились в исполнение по вторникам.

Журнал У. Финча также содержит упоминания о «полезном» времяпрепровождении падишаха, когда он в присутствии тысячи подданных «слушает разные вопросы, получает новости и письма, которые ему читают визири, удовлетворяет прошения»¹³. Все это время, как отмечал У. Финч, королевские барабанщики должны были

исполнять музыкальные «девизы». Наряду с барабанами в репрезентативных целях использовались и другие музыкальные инструменты, что придавало мероприятию торжественности.

После очередной трапезы, «когда его желудок насытится, – как отмечал У. Хоукинс, – он (Джахангир. – О.К.) удаляется в свои личные покои, куда вход посторонним запрещен без его разрешения», где «с позволения его доктора выпивает 5 кубков крепкого ликера», «жует опиум и, будучи в наивысшей степени опьянения, отправляется спать»¹⁴. Двухчасовой сон падишаха прерывался ужином, что было нелегким занятием в час ночи. Поэтому, как пишет Хоукинс, «еду в рот ему заталкивают другие»¹⁵.

В своих пагубных пристрастиях к чревоугодию Джахангир был не единственным среди могольских императоров. По словам Хоукинса, «его ночное обжорство является семейным пороком дома Бабура»¹⁶.

Необходимо отметить, что чревоугодие Джахангира, воспринимавшееся англичанами одним из многочисленных пороков «Великого Могола», «не оставило равнодушными» многих путешественников. Так, по сведениям священника Э. Тэрри, «как только он захочет есть, для него в любое время имеется приготовленная еда», которая подается в большом количестве¹⁷. Англичанин рассказывал о разнообразных изысканных блюдах, которые до того, как ввухи приносили их, сначала дегустировались, затем помещались в золотые сосуды, которые закрывались и запечатывались. За один прием пищи падишах, как правило, съедал 4–5 видов жаркого и выпивал один кубок крепкого напитка¹⁸.

Важно учитывать тот факт, что английские путешественники, описывая реалии восточной жизни, стремились противопоставить самих себя «чужакам». Правда, им это не всегда удавалось. Англичане видели в них что-то родственное и близкое, например, пристрастие к спиртным напиткам. Зная любовь англичан к обильным возлияниям, некоторые из путешественников предупреждали о «вредности» пребывания в восточных странах, особенно «для тех, кто злоупотребляет горячительными напитками»¹⁹. Тем не менее, Т. Роу, обеспокоенный пристрастием падишаха и его сыновей к спиртным напиткам и тем, как это отражалось на управлении страной, пишет: «Я никогда не видел человека, столь увлекающегося употреблением красного вина, как Король и Принц»²⁰.

Английские путешественники обвиняли верховного правителя Могольской империи в склонности к «распутной» жизни. Так Т. Кориэт, рассказывая о развлечениях Джахангира, сообщал в своих записках, что он «содержит тысячу женщин для удовлетворения собственных потребностей»²¹. По рассказам англичанина, во время празднования Нового года падишах для развлечения своих женщин приглашал во дворец «жен

всех торговцев», которые приносили что-нибудь для продажи²². На такой импровизированной ярмарке, по сведениям Кориэта, правитель получал возможность посмотреть всех «хорошеньких» женщин города, и на одной из таких ярмарок он «заполучил свою любимую Нурмахал»²³.

Полигамия, известная англичанам от путешественников в Османскую империю, воспринималась ими как свидетельство «варварской похоти» и «сексуальной жадности»²⁴. Ответственность за это англичане возлагали на религиозные установления и национальные традиции. По заявлениям священника Э. Терри, «мусульманский закон» развращал «похотливых» мусульман и делал «сластолюбивыми» их женщин²⁵. Английский капеллан, обвиняя «Великого Могола» в бесстыдном поведении, не забывал упомянуть о его многочисленных любовницах. Кроме того, по его словам, у падишаха было «несколько маленьких мальчиков, которых он всегда держит при себе для такого использования, что я не осмеливаюсь назвать»²⁶.

В восприятии английских путешественников сексуальная и гастрономическая неводержанность, которую они приписывали могольскому падишаху, связывалась с тем, что он не мог контролировать даже свои естественные потребности. Эти рассказы о праздной жизни правителя и его приближенных были призваны установить связь между порочностью и нравственным упадком представителей могольской власти и чрезмерным богатством, которое ей было не на пользу. Богатство падишаха позволяло ему содержать многочисленных жен и любовниц, но в неконтролируемой его сексуальности англичане видели больше животного, чем человеческого. Прием пищи падишахом в их восприятии был не естественной жизненной потребностью, а демонстрацией богатства. Таким образом, в представлении англичан доступ к неограниченным материальным ресурсам делал могольского правителя «чревоугодником», «пьяницей» и «распутником».

Записки англичан содержат сведения о взаимоотношениях правителя Могольской империи и его детей. Но даже и в этих рассказах образ падишаха не лишен негативной эмоциональной окраски. По словам путешественников, жестокость «Великого Могола» не имела границ и распространялась даже на его собственных детей. У. Хоукинс рассказывал, что однажды присутствовал при разговоре Джахангира со своим семилетним сыном. Падишах спросил сына о том, «хочет ли он сопроводить его в одно место, куда он шел развлекаться», на что мальчик ответил, что «как его Величеству будет угодно, так он и сделает»²⁷. Однако «король», не услышав нужного ответа – «я всем сердцем буду рядом с его Величеством», поколотил его. Еще больше разгневало падишаха то, что мальчик не расплакался, заявив, что «это самый большой позор для принца плакать, когда его бьют»²⁸. После этого отец ударил его снова

и проткнул кинжалом его щеку. Но и на этот раз маленький «принц» не заплакал. Хоукинс был восхищен смелостью ребенка и поражен таким «зверским» обращением Джахангира со своим сыном.

Многие английские путешественники акцентировали внимание на особом пристрастии могольского падишаха к кровавым состязаниям животных и людей, которыми он наслаждался ежедневно, как и жестокими истязаниями преступников по вторникам²⁹. Так, У. Хоукинс с уверенностью заявлял, что Джахангир «получал удовольствие видеть казненных и порванных на части слонами людей»³⁰. Проведя длительное время при дворе падишаха, путешественник, как он пишет, не раз убеждался в том, что многие люди теряли свои жизни и получали серьезные ранения, участвуя в «диких забавах» «короля», чтобы удовлетворить его «дикие прихоти» и развлечь³¹.

У. Финч также не обошел вниманием кровавые забавы могольского падишаха. В своем журнале он пишет о разнообразии «представлений», которыми наслаждался «Великий Могол». Среди них были состязания слонов, львов, буйволов, травля ланей леопардами³². По сведениям У. Финча, этими «забавами» развлечения «Великого Могола» не ограничивались. Возмущение англичанина вызывала «королевская» охота на людей. По приказу падишаха его люди окружали участки леса или пустыни, после чего начиналась «королевская игра». По словам англичанина, пойманные животные продавались, а деньги раздавались бедным³³. Если же добычей становились люди, а это были, по сведениям Финча, «жалкие бедняки или воры, жившие в лесу или пустыне, но которые были все же людьми», они становились «королевскими рабами», и их отвозили в Кабул, где обменивали на лошадей и собак³⁴.

У. Финч отмечал и вполне безобидные развлечения, как-то осмотр слонов и лошадей, которые во всей своей красе выставлялись перед падишахом. «Великому Моголу» не было чуждо чувство прекрасного. Великолепные восточные сады падишаха, наполненные всеми возможными чудесами: экзотическими плодами, цветами, журчащими струями фонтанов, то есть «всеми радостями, которые жаждет сердце человека», были в представлении англичан настоящим «раем». У. Финч писал о плавучем доме, на котором «король» плавал от одного сада к другому³⁵.

В журнале Т. Роу содержатся сведения о «необыкновенном» праздновании дня рождения (2 сентября 1616 г.) «Великого Могола». Традиционной была процедура взвешивания падишаха на весах. По сведениям путешественника, все серебро, золото, шелк, масло, рис, фрукты и многие другие вещи, которые клались на противоположную чашу весов, впоследствии раздавались местному духовенству – браминам. После этого для развлечения падишаха устраивался парад самых больших слонов. Роу насчитал около 12

самых крупных слонов-вожаков, украшенных золотыми и серебряными цепями и колокольчиками, каждый из которых шел в сопровождении 8–10 слонов, меньших по размерам. Не только могольский правитель получал удовольствие от этого зрелища, но и сам английский посол признавал этот показ животных «самым прекрасным, который он когда-либо видел»³⁶.

Насладившись парадом слонов, падишах объявлял, что наступило время предаться веселью, что, как отмечал Т. Роу, для «Великого Могола» было неотделимо от пьянства. По словам путешественника, «король» «с большим желанием» пил сам и приказывал пить другим, и от этого «он и его знать становились столь же веселыми, какими могли бы их сделать тысячи шутов»³⁷. Сам же английский посол, как он признавался, не рискнул отказаться выпить за здоровье падишаха. Он пишет: «Я сказал, что я охотно сделаю это... , поскольку я искренне желал ему многих дней жизни и повторения сегодняшней церемонии на протяжении ста лет»³⁸. Осушив часть кубка, Роу нашел это вино самым крепким, которое он когда-либо пил в своей жизни, и даже чихнул, чем развеселил «Великого Могола». Однако он был вознагражден за его «страдания», получив в подарок золотой кубок, инкрустированный многочисленными изумрудами и рубинами. Без подарков в этот праздник не остался ни один присутствующий. Джахангир щедро раздавал музыкантам и слугам пояса из парчи. Веселье закончилось лишь тогда, когда «король», как пишет Роу, был «не способен дольше держать свою голову»³⁹.

Дворец «Великого Могола» представлял собой сцену, на которой англичане также создавали необходимые им образы восточной власти. В журнале посла Т. Роу, находившегося долгое время при дворе Джахангира, сохранилось описание приема английского посольства во дворце падишаха в январе 1616 г. в Аджмире. В его глазах этот прием выглядел следующим образом: «Король сидит в небольшой возвышающейся ложе, послы, придворные и знатные чужестранцы находятся во внутреннем ограждении, несколько поднятом над землей, прямо под тем местом, где сидел король, под навесом из бархата и шелка, а пол под ногами устлан хорошими коврами. Люди более низкого происхождения, кого у нас называют джентри, находятся в пределах внешнего ограждения, простые люди – в основном дворе»⁴⁰. В восприятии Т. Роу увиденная картина напомнила театральное представление, в котором «король, сидящий в ложе, наблюдает за представлением, великие мужи возвышаются как актеры на сцене, простой люд, глазеющий на представление, находился в яме»⁴¹. В отличие от своего сына Парвиса, как отмечал Роу, Джахангир был более «любезным» и, заботясь о здоровье английского посла, предоставил ему своих собственных врачей. Также англичанина подкупило то, что падишах попросился с

ним «с большей любезностью и почтением, чем... с любым персидским или турецким послом...»⁴².

Тем не менее, в письмах путешественников в Англию содержалось гораздо больше жалоб и недовольств, нежели чем положительных отзывов о пребывании в «чужой» стране. Так, руководству компании Т. Роу жаловался на прием у королевских особ. Мало того, что он не увидел специально предназначенного для него места, ему не позволили встать рядом с «королем» или «принцем». На требование принести стул ему ответили отказом. Т. Роу пришел к заключению, что «аборигенам» не под силу понять, что в Европе значит статус и ранг посла, и рекомендовал руководству Ост-Индской компании в будущем для исполнения подобных обязанностей нанимать агентов, которые могли бы стерпеть эти публичные унижения и обиды, которые он как посол не мог вынести.

«Варварским» в представлении английских путешественник был не только придворный этикет, но и само жилище могольского правителя носило на себе отпечаток «варварства». Так, в восприятии Т. Роу интерьер тронной комнаты Джахангира, несмотря на его богатство, был напыщенным и безвкусным. Он отмечал, что в комнате было «много всяких вещей, которые не подходят друг к другу, и напоминают ему работу, сделанную на скорую руку...»⁴³ Эта комната, на взгляд Роу, больше напоминала комнату леди, которая для демонстрации пышного убранства размещала пару своих вышитых домашних тапочек на буфете вместе с серебром и фарфором⁴⁴.

В своих записках английские путешественники создали образ восточного правителя – греховодника, которому приписывались всевозможные пороки и недостатки. Однако некоторые из них отмечали, что «Великий Могол» не был лишен и положительных качеств. Так, по словам Э. Терри, характер Джахангира «удивительно сочетает в себе противоположные крайности»⁴⁵. По его словам, временами он мог быть чрезвычайно жестоким, тогда как в другое время – очень милосердным. Сам падишах злоупотреблял спиртными напитками, однако строго наказывал других за это. Среди его «добрых дел» Терри называл ежедневную помощь бедным и добросовестное исполнение сыновнего долга по отношению к матери⁴⁶.

О милосердии могольского падишаха писал Т. Роу. Так, в его присутствии правитель разговаривал с одним «жалким и несчастным человеком, с венком из перьев и покрытых грязью» с «любезностью и простотой, не свойственной королям»⁴⁷. После этого он накормил «бродягу» и дал 100 рупий. Т. Кориэт отмечал, что «Великий Могол» был особенно «добр» в свой день рождения. Каждый год в этот день он взвешивался на золотых весах. Падишах становился в одну чашу, а другая заполнялась большим количеством золота, которое равнялось его весу. Впоследствии все это золото, как пишет Кориэт, раздавалось бедным.

Рассказы английских путешественников о

буднях и праздниках «Великого Могола» свидетельствуют о том, что отношение к правителю Могольской империи подспудно оставалось двойственным. Он мог отождествляться с «дикостью» и «варварством» и в этом образе символизировать все грехи, пороки и зло. В то же время богатство и роскошь монарха вызывали восхищение, зависть и благоговейный трепет у путешественников. Однако он продолжал оставаться «варваром» в глазах европейцев, поскольку богатство не делало его нравственно возвышенным и ответственным за судьбы других, вместо этого оно развращало его. Но, вопреки своим средневековым истокам, новоевропейская культура на этом не заикливалась: «чужой» правитель мог стать добродетельным – милосердным, благородным, храбрым и уважаемым. Специфика «варварских обществ» обретала эстетический статус экзотического, экзотика не столько отпугивала, сколько привлекала. В некоторых случаях английские путешественники были не прочь сами стать «варварами», участвуя в восточных забавах, пиршествах и наслаждаясь другими радостями восточной сказки.

Примечания

- 1 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 9. P.1480; Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 4. P. 550.
- 2 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1480.
- 3 См.: *Ментешавили И. Ш.* Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии Английской Ост-Индской компании. Тбилиси, 1998. С. 84.
- 4 Captaine William Hawkins, his relations of the occurrents which happened in the time of his residence in India... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 218.
- 5 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 562.
- 6 Ibidem.
- 7 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1481.
- 8 Ibid. P.1472.
- 9 Ibid. P.1480.
- 10 Ibidem.
- 11 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 12 Ibidem.
- 13 Observations of William Finch... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 429
- 14 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 15 Ibidem.
- 16 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... / Ed. by Farley Oaten. Cambridge, 1909. P. 145.
- 17 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1475.
- 18 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 19 The second voyage of Captain Walter Payton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. L., 1625. Part 1, Book 4. P. 533 – 534.
- 20 *Aune M. G.* Elephants, Englishmen and India: Eatly Modern Travel Writing and the Pre-Colonial Movement // Early Modern Literary Studies. 2005. 11.1 (May). P. 16.
- 21 A Letter of M. Thomas Coryat, which travelled by land from Ierusalem to the Court of the Great Mogul, to Mr L. Whitaker, dated in the Year 1615 // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 594.
- 22 Certaine Observations wttitten, by Thomas Coryat // Ibid. P. 600.
- 23 Ibid.
- 24 *Norman D.* Islam and the West: The Making of an Image. Edinburgh: Edinburgh UP, 1962. P. 137.
- 25 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1478.
- 26 Ibid. P.1474.
- 27 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 28 Ibid. P. 225.
- 29 См.: Observations of William Finch... P. 429; A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1472, 1480; A Letter of M. Thomas Coryat... P. 594; European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 145.
- 30 Captaine William Hawkins, his relations... P. 219.
- 31 Ibid. P. 222.
- 32 Observations of William Finch... P. 429.
- 33 Ibid. P. 430.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibid. P. 429.
- 36 Journal of Sir Thomas Roe, Ambassador from King James I, to Shah Jehanguiro, Mogul Emperor of Hindoostan // A General History and Collection of Voyages and Travels / Ed. by R. Kerr. Vol. IX. L.: William Blackwood, Edinburgh and T. Cadell, 1824. P. 153. Режим доступа: <http://manybooks.net/titles/kerr13051305513055-8.html>. 25.09.2008. – Загл. с экрана
- 37 Ibid. P. 154.
- 38 Ibidem.
- 39 Ibidem.
- 40 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 542.
- 41 Ibidem.
- 42 Ibidem.
- 43 Ibid. P. 543.
- 44 Ibidem.
- 45 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1481.
- 46 Ibidem.
- 47 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 562.